

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИИ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ОТ СМУТЫ К ИМПЕРИИ

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ РОССИИ XVI–XVIII вв.

Материалы научной конференции
(Москва, 20–22 ноября 2013 г.)

МОСКВА – ВОЛОГДА

2016

«Столетняя война» Пустозерска и Большой Карачей XVII–XVIII вв. (по результатам комплексных исследований Пустозерского и Надымского городищ)

В современной историографии периода включения Северо-Западной Сибири в состав Московского царства, позднее Российской империи, до настоящего времени военные конфликты аборигенного населения с русской администрацией и населением характеризовались как локальные разовые восстания – «воровские набеги»¹. Так ли это на самом деле, позволяют оценить результаты комплексных археологических исследований.

Последние 15 лет, начиная с 1998 г., ведется изучение Надымского городища, находящегося в дельте р. Надыма, близ устья р. Оби, на территории Ямало-Ненецкого автономного округа (рис. 1). Это археологический памятник с многометровым мерзлым культурным слоем, в котором прекрасно сохранились предметы из органических материалов и деревянные строения (рис. 2, 3). По документальным источникам установлено, что с XVII по первую треть XVIII в. он назывался «Надым-вош» и функционировал как административный центр Большой Карачей – военно-политического объединения, включавшего территориальные общины самоедов и остяков рек Надыма, Пура, южного побережья Обской губы и п-ва Ямал. Населенный пункт прекратил свое существование зимой 1730–1731 г. после осады и убийства жителей, чьи останки были обнаружены при раскопках. Это крайне редкая находка для Севера Сибири, вызывающая много вопросов. В результате работ наряду с археологическими были обнаружены фольклорные и документальные источники, свидетельствующие о неординарной военной активности его жителей².

¹ История Ямала: в 2 т. / под общ. ред. В. В. Алексеева. Екатеринбург: Баско, 2010. Т. 1: Ямал традиционный, кн. 2: Российская колонизация / под ред. И. В. Побережникова и др. С. 209–227.

² Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв.: история и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2009. 360 с.

В числе археологических источников в первую очередь следует отметить наличие фортификационного укрепления – оборонительно-жилого комплекса размерами 20×35 м, в форме высокого холма, поросшего пойменной растительностью, что обеспечивало его маскировку в окружающем ландшафте. Этот факт отмечался в фольклорных источниках как возможность скрыться от погони после внезапного нападения.

Вместе с тем из нескольких сотен городищ с фортификацией, известных на территории Северо-Западной Сибири и относящихся к разным эпохам, лишь в Надымском городище был обнаружен большой арсенал предметов вооружения, причем наступательного: слабо изогнутые сабли и палаши (более 60 экз.), а также бронебойные стрелы (более 150 экз.) и луки (рис. 4)³. В коллекциях других памятников, а исследовано их немало, имеются лишь единичные фрагменты предметов вооружения. Оружие в сравнимом количестве известно лишь в погребальных и культовых комплексах⁴.

Следующее свидетельство военной активности – это ритуальная площадка на южной окраине Надымского городка, функционировавшая с середины XVII по первую треть XVIII в. Судя по артефактам (предметам вооружения, доспехам, бляхам-зерцалам и т. д.), а также иным следам, она функционировала как место сбора общинного ополчения Большой Карачей для совершения коллективных ритуалов

³ Там же. С. 146–151, 154–160.

⁴ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. М.: Изд-во Акад. наук. СССР, 1957. № 58. С. 136–245; Чемякин Ю. П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.; Зыков А. П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2012. 232 с.

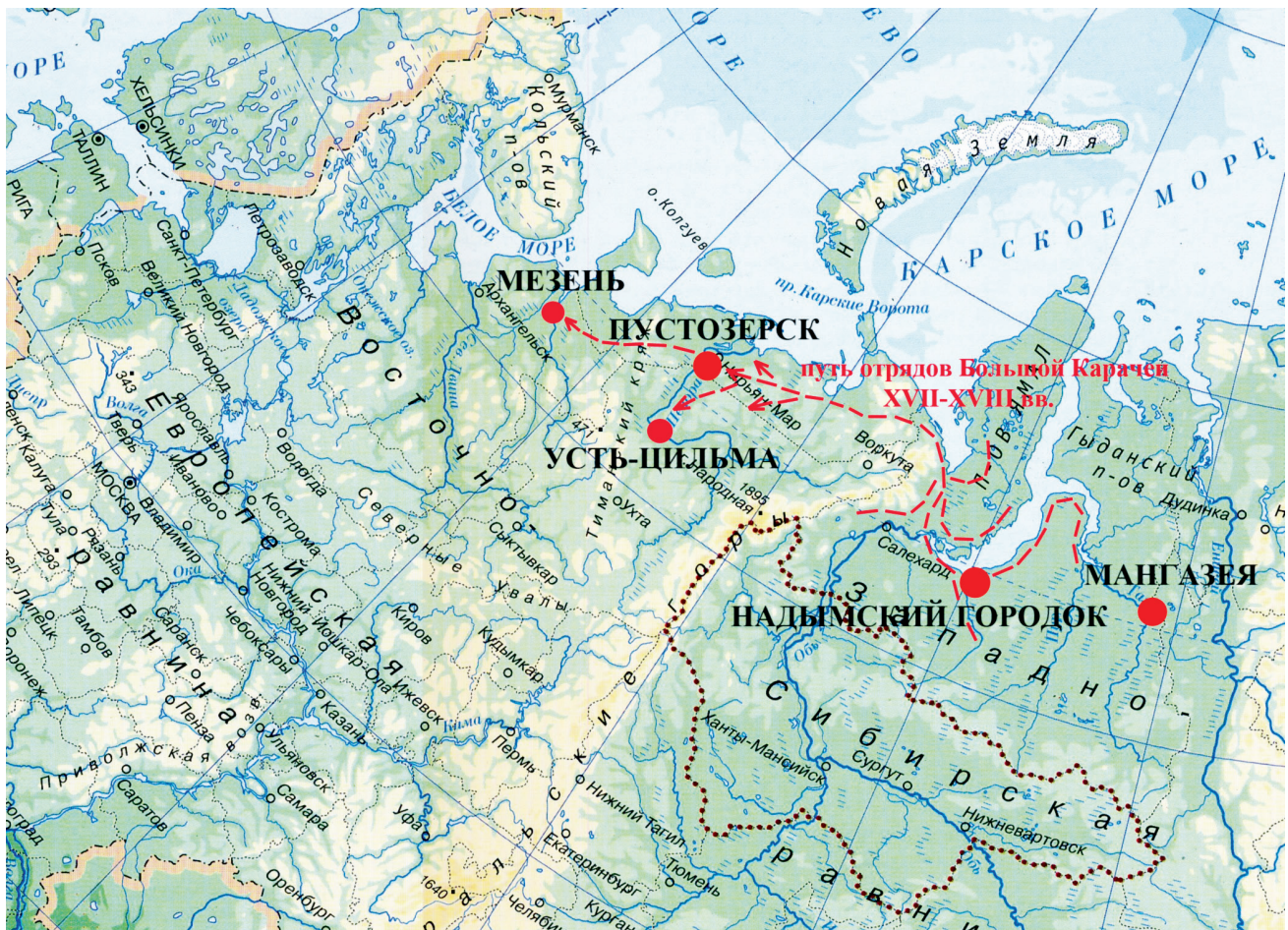

Рис. 1. Карта-схема расположения исторических поселений XVII–XVIII вв.: города Пустозерска, Надымского городка и реконструируемых маршрутов «воровских» операций Большой Карачей в Пустозерском уезде

жертвоприношения, в том числе связанных с подготовкой военных операций – сборов (на ненецком – мандалада), описанных в фольклоре⁵.

Другой косвенный, но показательный археологический источник – большая серия деревянных моделей предметов вооружения (копья, палаши, сабли), часть которых изготовлена в натуральную величину и имеет следы утилитарного использования – сколы, заломы, забитости, – очевидно, в детских поединках (рис.5)⁶. Примечательно, что типологически фигурируют два типа моделей вооружения: палаши аборигенного облика и сабли с перекрестием и ялманью условно русского вида, что явно отражало противоборствующие стороны.

Документы XVII в., выявленные в ходе комплексного изучения, содержали серию фактов о нападени-

ях самоедов на русских торговцев, промышленников и «служилых людей» как на территории Северо-Западной Сибири, так и за ее пределами и в частности на Европейском Севере, где одним из основных объектов нападения был город Пустозерск (рис. 1).

Основанный в 1499 г. во время третьего московского похода на Печору и Югру отрядом под предводительством воевод Семена Курбского и Петра Ушатого, к середине XVI столетия Пустозерск стал волостным центром и функционировал как опорный пункт на пути из Московского царства в Сибирь, а также как важный промысловый и торговый центр Крайнего Севера, имеющий значение не только для внутренней, но и для международной торговли⁷.

Торговые западноевропейские экспедиции приходили в устье Печоры и непосредственно в Пустозерске создавали торговые базы. Незаконные

⁵ Kardash O. Ritual complexes of North-West Siberia in XVII–XVIII centuries (according to archeological data) // Rituals: Types, Efficacy and Myths. Nauppauge, N.Y.: Nova Science Publishers Inc, 2012. P.95–97.

⁶ Кардаш О.В. Надымский городок ... С. 182–185.

⁷ Ясински М.Э., Овсянников О.В. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 99–101, 112–113, 136.

Рис. 2. Надымский городок. Общий вид с запада, 2013 г.

Рис. 3. Надымский городок. Остатки оборонительно-жилого комплекса XVI-XVIII вв. в мерзлом культурном слое. Материалы раскопок

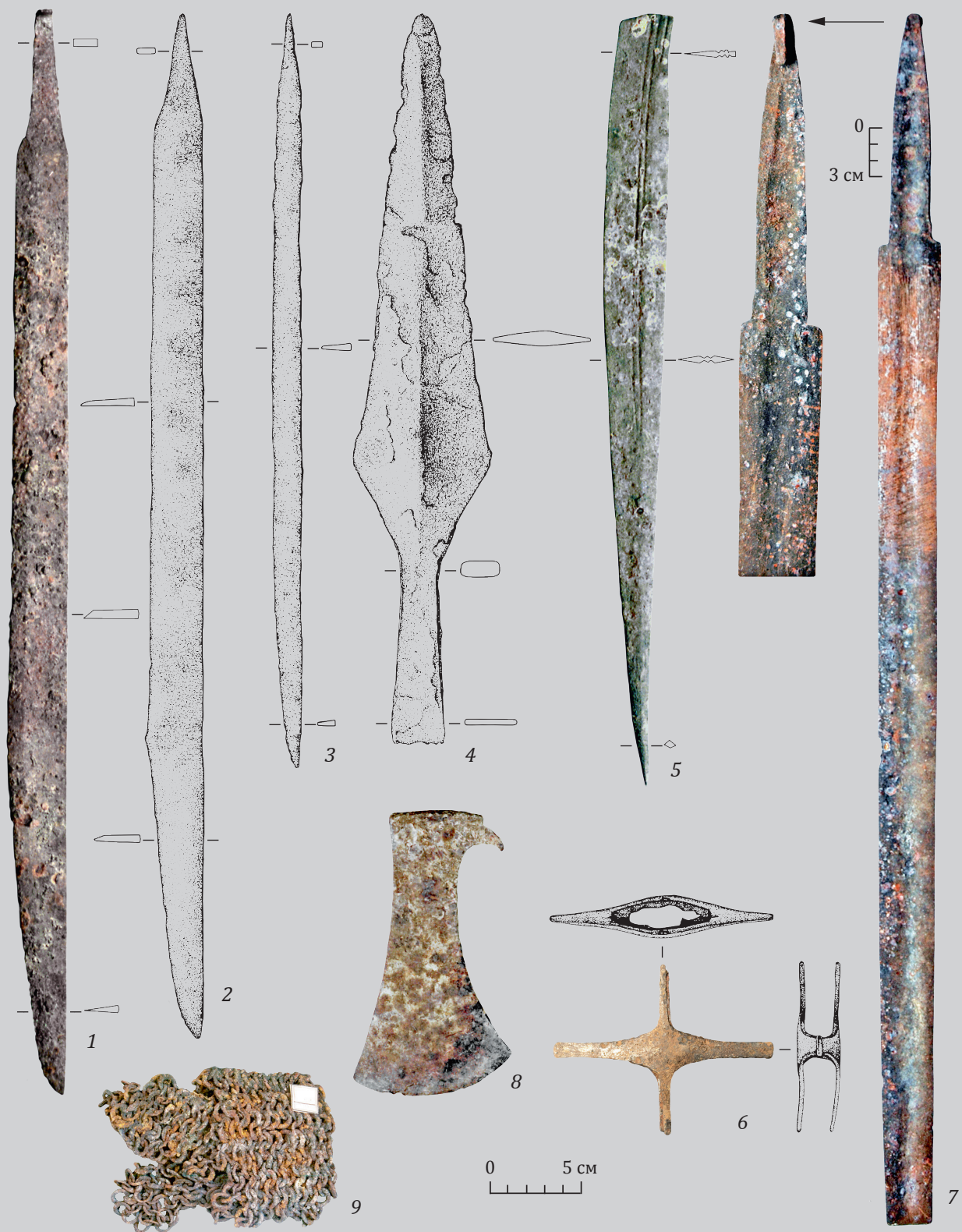

Рис. 4. Надымский городок. Предметы вооружения XVI-XVIII вв. из железа.
 Изделия местного производства: 1-3 - клинки палашей, 4 - наконечник копья.
 Изделия импортного производства: 5 - фрагмент клинка сабли (елмань), 6 - деталь гарды сабли (перекрестие),
 7 - клинок палаша или тяжелой шпаги (?), 8 - боевой топор, 9 - фрагмент кольчужного панциря

Рис. 5. Надымский городок. Модели предметов вооружения из дерева XVI – XVIII вв.:
1-3 – палаши, 4-6 – копья, 7-9 – боевые топоры, 10-11 – сабли

Рис. 6. Пустозерское городище. Общий вид с юго-запада, 2012 г.

действия иностранцев власти пытались пресечь, но контрабандная торговля с иностранцами продолжалась и в XVIII в.⁸ Ее основой была торговля мехами. Причем считаем достаточно очевидным, что значительная часть этих мехов была продуктом промысловой деятельности аборигенов не только европейских, но и сибирских.

После раскопок 1985–1995 гг. О. В. Овсянникова в 2010 г. нами было возобновлено комплексное изучение Пустозерского городища (рис. 6)⁹. Предшествующие и наши исследования нельзя назвать широкомасштабными прежде всего из-за большой площади городища и особенности его культурного слоя. Этот объект, так же как и Надымский городок, относится к памятникам с мерзлым культурным слоем, мощность которого достигает 5 м (рис. 7). Кроме этого, часть слоев скрыта под песчаными дюнами. Коллекция невелика, но всё же имеет серию

предметов аборигенного облика. Помимо прочего удалось найти новые документальные материалы о военных конфликтах карачейских самоедов с жителями уезда в XVII–XVIII вв.

По результатам анализа всех документальных источников сложилась картина систематических нападений на русских торговцев и «служилых людей» в период с середины XVII по середину XVIII в. на всем протяжении речного – «чрезкаменного» – и морского пути из Пустозерска в Мангазею – Мангазейского морского хода.

Первые жалобы европейских самоедов на притеснения пустозерцев известны еще с середины XVI в., но к вооруженным конфликтам такие распри не приводили. Однако в XVII в. взаимоотношения с жителями тундры приняли характер открытых военных столкновений.

В настоящее время из числа письменных источников, связанных с Большой Карачеей, нам известно немногим более двадцати делопроизводственных документов. Это грамоты, челобитные, отписки, охватывающие период с 1636 по 1679 г., и документы 1712–1749 гг. Заметим, что документы до 1628 г., то есть до пожара в Сибирском приказе, об истории Севера Сибири единичны и широко известны. Среди них нет данных о военных действиях Большой Карачеи.

⁸ Окладников Н. А. Пустозерск и Пустозерье. Архангельск: Правда Севера, 2010. С. 104–110.

⁹ Ясински М. Э., Овсянников О. В. Указ. соч. С. 16–17; Кардаш О. В. Отчет о НИР: комплексное археологическое исследование и инвентаризация объектов, расположенных на территории бывшего поселения Пустозерск Ненецкого автономного округа. Нефтеюганск, 2011. Кн. 1. 181 с., Кн. 2. 253 с. // Архив НПО СА. № 341/ 1, 2.

Рис. 7. Пустозерское городище. Остатки строений XVI–XVIII вв. в мерзлом культурном слое. Материалы раскопок 2011 г.

Первый документ, содержащий сведения о неспокойной ситуации на Мангазейском пути в районе устья Оби, – это отписка мангазейского воеводы Б.И.Пушкина в Москву о посылке двух служилых людей зимой 1636 г. в Обдорск с воеводскими отписками. Недалеко от устья Надыма (!) на гонцов напала «самоядь» и убили их¹⁰. Лишь спустя пять лет в челобитной торгового человека Михаила Кондакова раскрывается суть этого дела. В ней содержится обвинение на всю «закаменную самоядь», но в первую очередь – на «Большие Карачеи». Кондаков сообщает, что у его родственников, жителей Пустозерска, были тесные торговые отношения с карачейской самоядью. Многие самоеды были в долгу у пустозерских промышленников. Кроме этого, в челобитной приводятся преступления, причем не конкретные факты, а некая система действий самоедов: «Служилых и торговых людей грабят и побивают многих; на Мангазейском море которых морем розобьет, и те люди по берегам запасы свои и товары збирают, а та самоедь у них запасы и товары грабят и самих живых не пускают. А которые, государь, служивые люди через

Камень ходят из Сибири с твоею государевою казною и наша братья, торговые людишка, и та, государь, самоедь, и на твою государеву казну напускают и нашу братью грабят и побивают. А про то, государь, их все воровство и убойства ведает твой государев обдорской князец Молик да дядя его Дурак; и грабежную, государь, у них всякую рухлядь принимают заведомо. И то, государь, самоецкое воровство ведомо твоим государевым воеводам и всяким служивым и торговым людям, которые бывают в Мангазее и хаживали через Камень»¹¹. В этой связи Михаил Кондаков просит дать ему личную грамоту, разрешающую сыск¹².

Чем закончилось следствие Кондакова – неизвестно, но вот спустя год, в «150 (1642. – О.К.) году февраля в 20 числе приходили под Пустозерской острог и у посацких людей ко дворам приступали самоедь Большая Карачея Хулейка с детми с Поскою с Едурейком с Немчинком с Хаскою, а с ними было самоеди человек с двести и у пустоозерцов у посацких людей олени многие отогнали и животину и аргиши с хлебными запасы которые шли из Окладниковый

¹⁰ РГАДА. Ф.214. Стб.178. Л.135–145.

¹¹ Там же. Стб. 88. Л. 369–370.

¹² Там же. Л. 371–374 об.

слободки в Пустозерской острог, поимали. И воров, самоедь, которые наперед сего нашу сибирскую казну громили Лохеев и Ванюта хотели выбесть. И он де Протасей от той де самоеди во дворех отсиделся с пустозерцы с посацкими людьми. И та де самоедь в уезде по деревням воевали четыре недели. Образы кололи, людей грабили, а иных били и пытали и животину имали, и неводы, и сети, и лотки, и ветки, и котлы, и якори, и парусы поимали ж и свезли, и кочи посекали. И воевав отошли в тундру»¹³. Грамотой приказа Новгородской четверти пустозерскому воеводе Л.Н. Радилову предписывалось усилить гарнизон города, а «тех воров» найти, попытать, награбленное имущество вернуть и повесить несколько человек по дорогам для устрашения. Это было первое нападение ополчения Большой Карачеи на Пустозерск и Пустозерский уезд. Не исключено, что поводом могло стать расследование пустозерца Михаила Кондакова.

Продолжение истории взаимоотношений Большой Карачеи и жителей Пустозерского уезда содержится в документах сыска П.С.Коптева о злоупотреблениях пустозерского воеводы И.П.Лошакова 1654 г.¹⁴. В челобитной родовой знати Большой Карачеи – Хенки и Пося Хулеевых и Немчинки Пидирисова – указывается, что в 1652 г. «послали они мимо Пустозеро ко государю к Москве бити челом о своих нуждах карачейского самоедина Хаску Хулеева с товарищи 5 человек». Приехавших в Пустозерск карачейских самоедов воевода И.П.Лошаков арестовал, все имущество конфисковал, Хаску с товарищем повесил, троих же других заключил в тюрьму. Со слов воеводы, это было сделано потому, что им были получены сведения о том, что «карачейская самоедь» во главе с Посем Хулеевым этой зимой обещали прийти «под Пустозерской острог войною для обид пустозерского посадцкого человека Мокейка Безумова с товарищи». Это не вызвало сомнения, поскольку ранее дважды – в 1642 и в 1644 гг. – «воровская карачейская самоедь Хаска Карачеянин с племянем своим с Поскою да с Немчинком с товарищи приходили войною под Пустозерский острог и их, пустозерцов, разоряли и над Божиим милосердием наругались, образы кололи и людей мучили и государеву сибирскую казну громили; и от их де разоренья в Пустозерском остроге померло одной зимы с наготы и з голоду 370 человек»¹⁵.

Но боевые действия карачейских самоедов против пустозерцев, впрочем, как и других русских торговых и промышленных людей, не ограничивались нападениями на Пустозерск и Пустозерский уезд. Как писал в своей челобитной Михаил Кондаков, существовала, говоря современным языком, система грабежа и нападений. В отписке тобольских воевод о строительстве кочей в Тюмени и условиях

плавания по Обской губе 1643 г. содержатся сведения о том, что «во 1642 году на Мангазейском море у Черных гор розбило твоих государевых два коча с хлебными запасы да воеводцкий коч да торговых людей четыре коча. ... И те де достальные мешки воровская юрадцкая и пуровская и надымская самоедь себе розвозили»¹⁶. Позднее в челобитной от 26 мая 1652 г. князец Большой Карачеи Пось Хулеев признается в грабеже соли и хлебных запасов на «морском разбое» 1642 г. и пишет, что за эти запасы расплатился полностью к 1649 г.¹⁷.

В 1649 г. берёзовский воевода Я.Н.Лихарев принял решение о приведении «карачейской самоеди» к порядку, в частности, в уплате «государева ясака». Он направил в Москву отписку о действиях ясачных самоедов и получил государев указ о взятии карачейских аманатов – заложников. В результате этого впервые пленили «Большие Карачейские земли князца лутчево Пося Хулеева», возглавлявшего боевые операции против населения Пустозерского уезда. Через некоторое время он бежал, вскоре, в 1652 г., вновь был пойман, но после обещания уплаты государева ясака был обменен на своего сына и племянника¹⁸.

Краткая характеристика карачейской самоеди содержится в отписке 1657 г. берёзовского воеводы С.А.Малова: «Самоедь, люди кочевные, в зимнее время живут, переходя на оленях с места на место, от Берёзовского уезду в дальних местех к морю и по сухим речкам и по тундрам. ...Самоедь в летех выезжает для рыбных ловлей край моря и живет по островам»¹⁹. Военные операции Большой Карачеи совершались не только самоедами. В особо значимых сражениях принимали участие большинство родов карачейских самоедов, но значительную часть военных отрядов составляли нижеобские остяки, и в первую очередь Обдорского княжества.

Из розыскного дела 1662–1663 гг. о подготовке восстания остяками и самоедами Берёзовского уезда под руководством князя Обдорской волости Ермака Мамрукова следует, что до этого восстания самоедь «Пустозерский острог взяв, сожгли, воеводу и всех служилых людей побили». За участие в этом «изменном деле» по указу царя и Соборному уложению обдорские остяки князец Ермачко Мамруков, Смагинко Щеголдаев и другие были повешены, «чтоб, впредь на то смотря, иным вашей братьи остяком неповадно было так воровать»²⁰.

Очевидно, что под впечатлением этих событий было принято решение о строительстве новых

¹³ Там же. Стб. 425. Л. 110–114.

¹⁴ Там же. Стб. 454. Л. 11–16.

¹⁵ Там же. Л. 15–16.

¹⁶ Там же. Стб. 123. Л. 60–68.

¹⁷ Там же. Стб. 1056. Ч. 1. Л. 9–11.

¹⁸ Там же. Стб. 408. Л. 390–392, 452–455, 486–488; Стб. 1056. Ч. 1. Л. 13–14.

¹⁹ Там же. Стб. 503. Ч. 1. Л. 10–13.

²⁰ ДАИ. СПб.: тип. Э. Праца, 1851. Т. 4. С. 297–312 (№ 26).

укреплений Пустозерского острога в 1665 г.²¹ По всей видимости, именно в этой связи вектор нападения Большой Карачей сместился в сторону населения Пустозерского уезда. В связи с этим хотелось бы особо подчеркнуть, что для карачейских самоедов не существовало этнической дифференциации объектов грабежа. Все, кто не входил в военно-политическое объединение Большая Карачея, был слаб и имел хоть какое-то имущество, могли стать объектами нападения.

Как нельзя лучше об этом свидетельствует выдержка из челобитной пустозерских самоедов, что «их де побивают и грабят и приходят на них войною, сложася с карачейскою самоедью и с остяками. В прошлом де во 174-м (1666. – *О. К.*) году у него, Топки, самоедь с остяками сына его Талыки убили до смерти, наругаясь над ним, пересекли его натрое, и жену и сына его, и животы, две кости мамантовы, тридцать песцов рослых и юк ровдужной, два волка, пятнадцать постель, десять кровель, два чума, пятьдесят оленей, два невода да две однорядки взяли себе. А у Гизейка в том же году убили та ж самоедь с остяками сына Сюрчюйка и животы его и олени все пограбили, а другого сына Ядка с женою и с детьми взяли жива, и он, Ядка, у них ушел один, а жена и сын его и ныне у них, а животов его взяли двадцать оленей. А у Хаски Гисева остяк Гында²² убил родника его Аркадка самоедина до смерти, а тринадцать самоединов родников его держал у себя в работе и всех их приморил с голоду. А самоедина Сазуйка Холкина убили до смерти ж. Да роду Волей самоедина Ломдека остяки ограбили, взяли у него двадцать оленей, и посадили его в [...] амбар и заморили до смерти, а брата его Пospelка взяли и ныне держат у себя в работе»²³.

По-видимому, к концу 60-х гг. XVII в. боевые операции самоедов Большой Карачей, проводившиеся совместно с остяками Обдорской волости, приняли характер широкомасштабных действий, угрожавших снижению численности ясачного населения и соответственно сборов в казну. Явно в этой связи в 1668 г. по указу царя Алексея Михайловича в Пустозерский острог было предписано послать «голову стрелецкого и с ним пятьсот стрельцов со всем строем для прихода войной карачейской самоеди и остяков на Пустозерский острог»²⁴.

Подробнее сведения о «воровской» операции карачейских самоедов и обдорских остяков против Пустозерска 1688 г. содержит отписка пустозерского воеводы Ивана Неелова в Берёзов. В ней сообщается, что зимой 1668 г., и что особо интересно, как и четверть века назад, «февраля в 20 день (! – *О. К.*)

пришли под Пустозерский острог ... Карачейская самоедь Поско самоедин с разными родами», имея в качестве военных партнеров опять же обдорского князца Гынду Моликова «с обскими остяками». Этот отряд «русских людей нагнали на озере на рыбной ловли и пограбили неводы, и пешни, и топоры, и кожи, и рыбу, что в улове было, все пограбили, и ухватили у самого посаду у дворов пустоозерского самоедина Хаску Палчевого и били, а после <...> сына его и жену, и животы и олени все побрали себе, а его, Хаску, отпустили и стали на озере»²⁵.

Лишь после смерти вождя Большой Карачей Пося Хулеева большие военные операции на Пустозерск приостановились. Дети Пося Хулеева – Игонка и Маулка – вошли в конфликт с бывшим соратником обдорским князцом Гындой Моликовым. Причем последний получил от московского царя не только жалованную грамоту на сбор ясака от подвластных ему остяков и самоедов, но и царскую грамоту, предписывающую берёзовскому воеводе В.М.Гагарину организовать карательную операцию против карачейских самоедов с участием обдорских остяков для приведения их под «великого государя царскую высокую руку в ясашной платеж» и возврата «грабежные остяцкие животы и олени»²⁶. Чем закончилась эта операция – неизвестно, документы пока не найдены. Также пока не найдены источники о каких-либо широкомасштабных военных операциях карачейских самоедов с конца XVII до начала XVIII в.

Вместе с тем упоминания о сибирских самоедах и их нападениях на Пустозерск содержатся в книге Николаса Витсена. Причем в общих характеристиках обских самоедов явно имеется некий отпечаток, наложенный реальными действиями Большой Карачей. В частности, он сообщает, что «обские самоеды – самые злостные из всех», и в то же время «около Оби живут самые богатые самоеды»²⁷. Эти выводы дополнены кратким описанием боевых действий сибирских самоедов: «Городок Пустозеро окружен частоколом из бревен с деревянными башнями и бойницами. Это сделано от нападений самоедов. Те иногда зимой, когда все замерзло, предпринимают таковые под руководством своих сибирских князьков, которые тогда появляются, чтобы грабить. Но когда эти люди проникают внутрь заграждения, они со своими стрелами и слабой военной хитростью ничего не могут сделать»²⁸.

Эти сведения дополняют историческую картину боевых действий интересными деталями. Скорее всего, в сведениях Витсена речь идет о событиях 1668 г., но поскольку говорится о неоднократных

²¹ Окладников Н. А. Указ. соч. С. 49.

²² Очевидно, здесь упоминается обдорский князь Гында Моликов.

²³ ДАИ. СПб.: тип. Э. Праца, 1851. Т. 5. С. 376 (№ 68-1).

²⁴ Там же. С. 375 (№ 68-1).

²⁵ Там же. С. 376–377.

²⁶ ДАИ. СПб.: тип. Э. Праца, 1862. Т. 8. С. 166–168 (№ 44-Х).

²⁷ Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Амстердам: Pegasus, 2010. Т. II. С. 895, 898.

²⁸ Там же. С. 948.

нападениях, то, вероятно, имеются в виду и другие, более поздние, о которых у нас нет документальных данных. Данные явно свидетельствуют, что нападавшие карачейские самоеды столкнулись с ранее неизвестной ситуацией, а именно – наличием острожных стен Пустозерска. Судя по всему, до 1665 г. укреплений не существовало, либо к середине XVII в. они настолько обветшали, что не представляли собой сколько-нибудь серьезного фортификационного сооружения, особенно для зимнего периода. Косвенно это подтверждает документ о нападении карачейских самоедов на Пустозерский острог в 1642 г. Хотя Пустозерск и именован острогом, но «он де (воевода Неплюев. – О.К.) Протасей от той де самоеды во дворех отсиделся с пустозерцы с посацкими людьми»²⁹, а отнюдь не в укрепленном остроге.

По-видимому, строительство острожных укреплений сыграло свою положительную роль в защите Пустозерска. В первой половине XVIII в. боевые действия распространяются на территорию Пустозерского уезда. Следующий круг документальных источников периода с 1712 по 1749 г. содержит сведения о 9 боевых операциях.

В сентябре 1712 г. карачейские самоеды, возглавляемые Пидилцей Майдалиным, пограбили у пастухов-самоедов, выпасавших оленей пустозерских жителей, «пять сот тридцать четыре оленя со всеми при них заводами и пожитки»³⁰. Кроме того, этим же отрядом было отнято у «пенежанина Алексея Кокина на Николском берегу з Дрестьявнскои тони красной рыбы семги триста рыб по весу сто пудъ (1,6 тонны. – О.К.) по цене на дватцать на пять рублей»³¹.

В том же году, вероятно всего, частью отряда Пидилцы Майдалины было совершено еще одно нападение в районе Усть-Цильмы. С «Мезени Пустозерского ведомства в Ижемскую и Усть-Целемскую слободки на кружечные дворы вино, которое с Мезени от деревни Вочгоры вес на оленях пустоозерец Исак Кожевин». Менее чем в 30 верстах от Усть-Цильмы, когда бочки уже везли на лошадях, «наехали вышеозначенные ж Карачейские воровские самоедцы, и оное вино, которое везли на лошадях на дороге остановили и то вино [на]силно пили и русских людей которые при том вине были связав руки и ноги мучили спрашивали у них про вышеявленных оленей, на которых помянутое досталнее вино везено и оттоле поехали оных оленей искать и наехав на дороге других оленей устьцелемцов Авдея Поздоева, Степана Шишалова и ясашной самоеды. И у них тех оленей пограбили, более дву[х] сот оленей, со всякими при них снастями и с промышленными заводами, и хлебные и другие припасы, и платье о[го]брали»³².

В следующем 1713 г. отряд карачейских самоедов, возглавляемый другим лидером Лейко Иглиным, «пограбили при Пустозерске у них пустоозерцов и у приезжих людей восемь сот восемь оленей со всякими ж оленными заводами. При том и других разных пожитков взяли не малое число»³³. Пустозерским воеводой была предпринята попытка вернуть награбленное имущество гражданского населения, для чего послан отряд в составе солдат, пустозерских жителей и ясачных пустозерских самоедов. Тем не менее эта попытка не увенчалась успехом, поскольку «воровские Карачейские самоедцы наехав на них, посланных ис Пустозерска салдагов и других с ними людей, и из луков по них стреляли и тою стрельбою многих салдаг и русских людей ранили»³⁴.

В 1714 г. отряд карачейских самоедов, возглавляемый тем же Лейко Иглиным, совершил новое нападение, в процессе которого они «грабили у Пустозерских и Мезенских жителей на тундре оленей»³⁵.

В 1717 г. «Карачейские самоедцы при Пустозерске ж от чумов пограбили сто дватцать семь оленей со всякими оленными заводами»³⁶. О новых нападениях на жителей Пустозерского уезда в 1718 г. сведения отсутствуют, но вот зимой следующего 1719-го с выброшенного штормом на Тионский берег судна пинежанина Михаила Маслова, везшего из Архангельска в Пустозерский острог «на кружечной двор вино и солодовые и другие припасы», карачейские самоеды «воровски несколько четвертей увезли»³⁷.

Неоднократно в приказную избу Пустозерского острога жители подавали изветные челобитные. Они писали, что «и в другие разные годы, оные Карачейские самоедцы, к Пустозерскому острогу приезжали и многие разным всяким людям при Пустозерске и на промыслах грабежи чинили от которых их Карачейской самоеды, к Пустозерскому острогу воровских приездов и многих грабежей они пустоозерцы разорились все конечно»³⁸. Кроме того в челобитных сообщалось, что «воровские Карачейские самоедцы ... на тех их промыслах у промышленных людей хлебные и другие припасы, и промышленные снасти, и котлы, и топоры, и протчее, и что бывает в улове какого промыслу все отнимают и грабят [на]силно. И с промышленных людей платье снимают, и тех промышленных людей на тундре на пустом месте оставляют без хлеба и без платья. Которые без хлеба и платья многую принимают нужду, а других промышленных людей муча[ют]. И связав руки и ноги по тундре за сан[я]ми своими, на которых они ездят, волочат начаяся [надеясь] у них вымучить каких

³³ Там же. Л. 41 об.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 19–24.

³⁶ Там же. Л. 41 об.

³⁷ Там же. Л. 42.

³⁸ Там же. Л. 41 об.

²⁹ РГАДА. Ф. 214. Стб. 425. Л. 110–114.

³⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 994. Л. 30–30 об., 40.

³¹ Там же. Л. 30 об., 40 об.

³² Там же. Л. 43–43 об.

спрятанных пожитков. И промышленные избушки, и другие заводы многие позжгли, и опустошили»³⁹.

В 1720 г. солдат архангельского гарнизона Корнило Золин с чиновниками из Пустозерска были направлены на оленях с казенными документами. На пути к Мезени они были ограблены карачейскими самоедами, которые, забрав оленей, «из луков по них стреляли и пограбя у них все без остатку покинули их на пустом месте. И они, салдат и бурмистры, бродя, по тундре пешие по великим снегам без лыж едва все от мразу и от снега не замерзли». Их нашли и спасли от смерти русские промышленники. Посланные с ними документы были потеряны. В том же году, вероятно, тем же отрядом карачейских самоедов у пустозерских жителей были отбиты «триста оленей и многие товары и припасы». Те товары, которых самоеды увести не могли, разметали по тундре и уехали⁴⁰.

В тот же год в ответ на многочисленные прошения было принято решение об усмирении действий карачейских самоедов. В контексте нашего исследования интересна характеристика действий карачейских самоедов, содержащаяся в указе Петра I от 17 сентября в Пустозерской острог: «Сибирской губернии Карачейская самоедь, которая живет при море по обе стороны Оби реки и ведома данным сборам на Берёзове и на Тазу (известна берёзовским и тазовским ясачным сборщикам. – *О. К.*), приходит через тундру на оленях на Печеру реку к Пустозерскому острогу, воровски собравшись многолюдством, и имеют при себе [о]ружье: луки и множество стрел, и рогатины (копья. – *О. К.*), и езда на оленях вооруженною рукою, у них, пустоозерских жителей, и у других приезжих людей, которые бывают в Пустозерском остроге для торгов своих, и всяких промыслов, пожитки всякие, и товары, и оленей грабят насилством. И пограбя с теми пограбленными пожитки, и с олен[я]ми уезжают назад в свои жилища к реке Обь. И которые люди в том, их грабеже станут чинить какое малое сопротивление и пожитков своих, и оленей грабить давать не станут, и тех людей из луков своих стреляют и уязвляют. И такими, своими воровскими приезды, многое число у них, пустоозерских жителей и других людей оленей и других пожитков пограбили, и в свои жилища увезли»⁴¹.

В 1721 г. были предприняты превентивные меры, в результате чего в феврале в районе Мезени и Пустозерска были арестованы несколько карачейских самоедов и получены сведения об отряде численностью около 30 человек, расположившемся в Пустозерском уезде. И в этот год карачейские самоеды прибыли явно не для торгова. Но после предписания направить пойманных самоедов в архангельскую канцелярию для расследования и направить сол-

дат для поимки других «Карачейских самоедцов»⁴² зимой 1721 г. каких-либо грабежей или боевых действий в Пустозерском уезде не происходило.

Отсутствуют прямые свидетельства о грабительских нападениях в 1722 г., но вот уже зимой 1723 г. отряд карачейских самоедов, возглавляемый Паломой Танабиным, очевидно, новым лидером Карачей, отнял оленей у пустоозерских самоедов и кроме этого 18 февраля ограбил поручика архангельского гарнизона Василия Оладина, следовавшего с солдатами из Мезени в Пустозерск, «наехав на них на тундре у Щучьих островов»⁴³.

После этого случая в течение нескольких лет, вплоть до зимы 1730–1731 гг., «воровские» нападения карачейских самоедов как будто бы прекращаются. Как минимум, о том отсутствуют исторические данные. Возможно, причиной тому стало исполнение царского указа Петра I от 17 сентября 1720 г., предписывавшего «самоедцов из главных родов брать в аманаты и держать в Пустозерске за караулом впредь без переводно дабы они Карачейские самоедцы воровскими своими приезды наибольшего разорения и грабежу и людям мучения не учинили»⁴⁴. Неким косвенным подтверждением этому может служить «визит» карачейских самоедов, в результате которого «1728» г. февраля «25» дня «будучи в Пустозерске, Берёзовского ведомства Закаменная Карачейская самоедь ... договорились и дали на себя письменной договор с Пустозерскими жителями ... чтоб оных аманатов свободить и для тово обещали впредь оным пустоозерцом и прочим ни каких грабежей и обид не чинить и пограбленные достальные по платежу оленей и пожитки их платить им от помянутого “[1]728” году до “[1]731” в три годы все сполна без всяких отговорок погодно»⁴⁵.

Договор этот не был выполнен в полной мере. Это обстоятельство могло послужить поводом для событий зимы 1730–1731 г.⁴⁶ 27 декабря 1730 г. «Берёзовского ведомства, роду карачейского самоедин Сабей приехав в Пустозерск объявил показанного де Берёзовского ведомства разных родов Карачейские самоедцы болшим з атаманы Палома Танабин з братом своим Хынзидою да при них общей их братьей, которые могут луками владеть пятьдесят сем ч[е]л[о]в[е]к едут разбоем для отбирания у русских людей оленей и пожитков где что могут на тундре найти»⁴⁷. На основании этого сообщения 30 декабря из пустоозерской канцелярии воеводой Яковом Великопольским для поимки «воровской Карачейской самоеди» посланы были подьячий Сава Дрягалов,

⁴² Там же. Л. 46 об.–47 об.

⁴³ Там же. Л. 31, 35 об.

⁴⁴ Там же. Л. 44–44 об.

⁴⁵ Там же. Л. 34 об.–35.

⁴⁶ Там же. Л. 1–95 об.

⁴⁷ Там же. Л. 18.

³⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 994.

⁴⁰ Там же. Л. 42 об.

⁴¹ Там же. Л. 41–45.

что нападения на пустозерских жителей как непрерывное систематическое действие воспитывалось у карачейской молодежи с детства. Об этом косвенно, но свидетельствуют артефакты из раскопок Надымского городка, о которых говорилось выше.

Есть несколько фактов, которые позволяют смоделировать возможный вариант финала истории 1731 г. Это данные из дневников Г. Ф. Миллера и запись лейтенанта Д. Л. Овцына, начальника Обского отряда Северной экспедиции⁵⁰. Их дополняет находка в Надымском городке 13 убитых индивидуумов, относящихся к енисейскому антропологическому типу, соотносимому с современным ненцами⁵¹.

Предположительно после пленения «ватащика» Паломы Танабина и его отряда либо обиженными на что-то соплеменниками, либо европейскими самоедами было предпринято нападение на Надымский городок – некая карательная операция с целью убийства ближайших родственников вождя для прекращения карачейской вождеской династии. И видимо, результат был достигнут – на 17 лет нападения прекратились. Лишь в 1748–1749 гг. было совершено нападение карачейских самоедов на Пустозерск, ставшее последним⁵².

Спустя немного времени Пустозерск утрачивает свое значение административного центра. В 1762 г. оборонительные сооружения были разобраны по указу Сената «за ветхостью». В 1780 г. Пустозерский уезд был упразднен. Вооруженные нападения и военное противостояние прекращаются⁵³.

⁵⁰ Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера // История Сибири. Первоисточники. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. Вып. VI. С. 259–260; РГАДА. Ф. 248. Д. 669. Л. 15 об.; РГАВМФ. Ф. (Капитан-командор Беринг). Л. 17–20.

⁵¹ Кардаш О. В. Надымский городок ... С. 29–30.

⁵² Евсюгин А. Д. Ненцы Архангельских тундр. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1979. С. 117.

⁵³ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 1. Д. 246. Л. 80; Окладников Н. А.

В этой связи можно заметить, что расцвет Пустозерска синхронен возникновению Большой Карачеи и расцвету Надымского городка – самого богатого по находкам вещей аборигенного поселения. Вряд ли это совпадение.

В заключение отметим, что практически все карачейские самоеды являлись плательщиками ясака, административно-территориально принадлежали к Обдорской волости Берёзовского уезда и были приписаны к Обдорскому городку – пункту ясачного сбора. Вожди Большой Карачеи общались с представителями Московского царства по урегулированию спорных вопросов, судились по его законам, то есть были, условно говоря, подданными Московского царства, позднее – Российской империи. В этой связи отряды карачейских самоедов следует характеризовать не иначе, как незаконные вооруженные формирования, а их боевые операции – грабительские, в терминологии того времени – «воровские».

Что можно назвать в числе причин и поводов столь длительных вооруженных конфликтов? Причиной, на мой взгляд, была длительная беспощадная, не контролируемая властями торговля с карачейскими самоедами пушниной, в том числе награбленной, и оружием, которая вызвала резкое имущественное расслоение аборигенного общества, выделение военной элиты, желавшей славы и богатства. Поводом же для нападений наверняка служил страх голодной смерти – довольно обычное состояние аборигенов Арктики. Тем не менее никаким голодом не объяснить грабеж имущества, издевательства над людьми и надругательства над иконами. Для карачейских самоедов это была средневековая война – война как часть присваивающей экономики общества аборигенов, служившая для удовлетворения их разнообразных потребностей, в том числе амбиций вождей и общинной элиты.

Указ. соч. С. 59, 62.

O. V. Kardash

“The Hundred Years’ War” of Pustozersk and Bolshaya Karacheya of the 17th – 18th cc. (on the results of Complex Excavations of Pustozersk and Nadym Fortified Settlements)

Key words: Russian Arctic, Nadym town, Pustozersk, samoyeds, Bolshaya Karacheya, war.

Abstract: The article gives the data received during the excavations of Nadym town, the residence of Siberian Samoyeds of Bolshaya Karacheya and Russian uyezd town (regional center) Pustozersk. The documents from 1636 to 1749 containing information about the warlike

operations of Karacheya Samoyeds against citizens of Pustozersk Uyezd are also cited. Based on the analysis of archaeological and documentary sources a conclusion is drawn that robberies were systematically committed. And for Siberian Samoyeds they were a medieval war, a part of arrogating economy, which served for satisfying their various needs, as well as the ambitions of leaders and community elite.